

[Выступление Первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Кубы, Председателя Государственного совета и Совета \[1\]](#)

Дата:

12/11/1999

Обращение товарища Фиделя к читателям

Уважаемые читатели газеты "Гранма"!

Будучи в долгу перед членами Союза кубинских журналистов и Латиноамериканской федерации журналистов, направляю в газету "Гранма" текст речи, с которой я выступил в семейном кругу, почти конфиденциально, в Главной аудитории Гаванского университета 12 ноября 1999 года и некоторые наиболее деликатные части которой я тщательно проверил. Беру на себя ответственность за все, что в ней говорится.

Фидель Кастро

Дорогие друзья!

Сегодня будет иначе, чем в другие разы. Я попытался узнать, что происходило в эти дни, вы сами не дали мне проинформироваться, потому что, прибыв точно, быть может на полминуты раньше и торопясь больше обычного, я надеялся, что Тубал (Президент Союза кубинских журналистов, УПЕК) объяснит мне, как вы работали, какая программа была у вас сегодня вечером - это было неизвестно, не знаю, знал ли об этом он сам (Смех), - и мне сказали, что конгресс ЛФЖ (Латиноамериканской федерации журналистов) завершается и начинается встреча испанских и латиноамериканских журналистов. Ну хорошо, она открылась, потому что об этом было объявлено. Кажется, здесь есть два португальца и один испанец.

Я попытался понять, что это такое, два мероприятия, и спрашиваю: "Здесь будут произносить речь?" Он отвечает: "Нет, речи не будет, будет хор". Так что я даже не смог сориентироваться, получить немного информации; самое большее, что я узнал около половины восьмого вечера, были некоторые детали происходившего здесь, и больше ничего. Я действительно знал, что конгресс ЛФЖ завершается; это я узнал отчасти из печати и за те несколько минут, когда я смог посмотреть телевизор. Я спрашиваю: "Где?" Мне отвечают: "В Главной аудитории Гаванского университета". Я спросил себя, почему, и думаю: неужто их выселили из Дворца съездов? (Смех) - да, потому что иногда выселяют - или это потому, что Главная аудитория несет в себе большую символичность? Я порадовался, услышав, что причина была в последнем, и сказал себе: мне хотелось бы побыть там хотя бы несколько минут, хотя бы только чтобы приветствовать их. Исключительно из моего уважения и любви к этой организации? Нет, не только поэтому, а в силу того значения, которое, по моему мнению, имеет сегодня - как никогда ранее - эта организация.

Хотя я знаю, что иные журналисты испытывали некоторые сомнения относительно своей роли, своих возможностей, своих перспектив, и несмотря на то, что эта организация небольшая и имеет мало ресурсов, я думаю, что если этого захотят, если вы зададитесь этой целью и все мы зададимся этой целью, она сможет стать инструментом, в котором мы нуждаемся все больше.

Я имел честь участвовать примерно семь месяцев назад в съезде кубинских журналистов. До этого у нас проходил съезд писателей и деятелей искусств нашей страны, можно сказать, несколькими неделями ранее, и могу заверить вас, что за долгие годы Революции у меня не было случая видеть два столь плодотворных собрания как эти, которые мы называем съездами и которые происходили в первом полугодии: там обсуждались, и обсуждались по-настоящему, самые разные проблемы и темы.

Я хорошо понимаю, как трудно быть журналистом в социалистической стране, скажем, в нашей собственной стране, где средства или органы массовой информации не являются ничьей частной собственностью, это собственность - не скажу государства, это было бы неточно, государство - институт, на который все больше клеветают; в нашем понятии эти средства информации являются собственностью народа. Это может казаться фразой, словом, лозунгом; быть может трудно использовать эффективно и наилучшим образом эти средства, которые принадлежат народу и очень тесно связаны с тем, что зовется государством.

На протяжении этого века, на протяжении развития капитализма реакция страстно стремилась доказать, что государство не годится абсолютно ни на что, хотя они-то знают, на что оно годится.

В соответствии с философией этих реакционных кругов, государство неэффективно, государство - настоящее бедствие; государство надо дискредитировать, и я даже был бы с этим согласен, все зависит от того, какое государство.

Государство, призванное играть основную роль в период исторического перехода, - необходимый, абсолютно необходимый институт, и в этом смысле от чего мы хотели бы избавиться, так это от дефектов государства, которое мы, революционеры, не сумели построить лучше. Старое государство капиталистов, эксплуататоров - вот государство, от которого мы хотели бы избавиться раз и навсегда.

Так что есть два разных типа государства и две разных, диаметрально противоположных концепции государства: то порочное, столь хорошо отлаженное государство и это наше неэффективное государство. В конце, когда каждое выполнит свою роль, как о том мечтал Маркс, пусть оба они исчезнут.

Одним из того, что более всего привлекло меня в марксизме, была идея, что когда-нибудь государства не будет; когда этот инструмент, призванный для создания нового общества, выполнит свою миссию, ему незачем будет существовать.

Марксизм включает в себе много мечтаний, и я здесь не читаю вам лекцию по марксизму, ничего подобного, я даже не произношу защитительную речь, это просто размышления по поводу одной мечты - мечты, а не утопии. Существует разница между мечтами и утопиями и в то же время большое сходство между мечтами и утопиями.

Марти как-то раз сказал, что сегодняшние мечты станут завтрашней действительностью. Всегда надо начинать с того, чтобы мечтать, надо начинать с создания утопий, и вам говорит это тот, кто начал с утопий, причем сам по себе, что самое любопытное. Когда я начал с утопий, думая о проблемах того общества, которое я знал, наверное я даже ничего не слышал об утопистах; но правда то, что вначале я был мечтателем, утопистом, и думаю, сегодня я реалист, мечтатель и утопист. Все исходит из веры, веры в человека, а если есть вера в человека, тогда ты уверен, что нет мечтаний и утопий, которые не могли бы осуществиться.

Как далек кажется нам коммунизм, и как далек он на самом деле! Как далека та формула распределения: "от каждого по способностям, каждому по потребностям". Как далеки мы от этой прекрасной формулы! И каким мудрым был Маркс, когда говорил о двух этапах:

социалистическом и коммунистическом, первый руководствуется формулой "от каждого по способностям, каждому по труду". Эта формула проста, очень проста. Он был мудр, потому что сегодня практически она единственная, за которую можно бороться, это необходимый путь, без которого нельзя обойтись, и нам - тем, кто влюбился в формулу коммунизма, - она казалась несправедливой.

Для меня социалистическая формула - это формула необходимо несправедливая, но она намного выше отвратительного капиталистического общества, в котором те, которые действительно дают по труду, не получают почти что ничего, в то время как самые большие бездельники в обществе получают все.

Да, вы тоже пролетарии, пусть никто не удивляется; вы пролетарии умственного труда, пролетарии мысли, пролетарии идей, пролетарии создания сообщений; вы пролетарии, даже когда бежите отнести репортаж в газету, и прежде, когда не существовало компьютеров, когда отчаянно стучали по клавишам пишущих машинок. И кроме того, вы наемные рабочие.

Не знаю, есть здесь кто-то из Межамериканского общества журналистов (МОЖ)? Нет, скажите мне правду: есть кто-нибудь? Я полагаю, что вы, будучи журналистами, живете своим трудом, и хотя и недостаточно, но что-то вам платят, одним больше, другим меньше; так что вы наемные рабочие. В соответствии с социалистической формулой, быть может, по способностям, поскольку способности не у всех одинаковы, и те, у кого способности больше, получали бы намного больше. У кого-то может быть намного меньше способностей, зато намного больше детей, намного больше потребностей, так что, в конце концов, нельзя говорить о полностью справедливом обществе. Но хорошо, это то, что происходило бы с вами при социализме; при капитализме мы хорошо знаем, что с вами происходит.

Эти соображения - которые я не хочу затягивать, - быть может, служат для того, чтобы объяснить, как невероятно счастлив я был на съезде, проходившем в первом полугодии, о котором я вам говорил, когда смог увидеть яснее, чем когда-либо - а прошли годы Революции, - насколько решающей может быть роль прессы при социализме, как должна функционировать пресса при социализме и какие огромные, бесконечные возможности имеет пресса при социализме. Это из тех вещей, которые вдруг видишь с невероятной ясностью.

Понадобилось 40 лет Революции, понадобились всяческие события, понадобился особый период, потребовалась колоссальная идеологическая борьба, потребовалось очутиться в этом мире, который называют глобализованным, где, в числе прочего, самыми глобализованными оказываются дезинформация и ложь.

Быть может, никогда в иных обстоятельствах, чем эти, нельзя было понять, какое значение имеют средства информации, когда они находятся на службе капитализма и империализма. Империализм и капитализм выжили в значительной степени благодаря субъективным факторам, и создается впечатление, что это первыми обнаружили не марксисты, а капиталисты.

Для меня субъективные факторы также имеют огромную важность, и сама история движется неравномерно, она продвигается вперед, отступает и снова движется вперед, всегда попеременно с большими или меньшими откатами.

Несколько дней назад я долго беседовал с нашими журналистами на эти темы. Капиталисты открыли значение субъективных факторов и обнаружили в средствах массовой информации превосходный инструмент для того, чтобы подавляющим образом влиять на эти субъективные факторы, являющиеся необходимыми составными частями истории, исторического движения вперед или продления несправедливых, эксплуататорских, чудовищных, бесчеловечных систем, существующих до тех пор, пока кризис, который мы можем назвать ядерным, окончательно не сметет их с лица земли.

Я говорю ядерный, потому что когда в обществах накапливается такое количество проблем, когда они становятся абсолютно неустойчивыми, они взрываются, даже не считаясь с субъективными факторами, даже не считаясь с подавляющим господством системы над средствами массовой информации, какими она контролирует эти субъективные факторы, которые могли бы способствовать тому, чтобы еще более ускорить ход истории и приблизить исчезновение мира, полного несправедливостей, лишений и безобразий.

Я хочу сказать, что прогрессивные люди, люди, которые стремятся к лучшему миру, должны понять важность этих инструментов, при помощи которых формируется сознание, и могут превратить эти субъективные факторы в решающие инструменты движения исторических событий.

На встрече, о которой я вам говорил, эти истины стали очевидными. Конечно, дело не в том, что в тот день они были открыты, это был результат битвы, которую мы вели, результат того, что в течение многих лет, причем все больше, мы читали сообщения обо всех событиях, происходивших в мире, в этом таком глобализированном мире, где даже если в Каире на углу погибает кот, это фигурирует в каком-то известии. Тот, кто привык получать информацию, ежедневно использовать два-три часа на то, чтобы собирать и анализировать информацию обо всем, происходящем в мире, имеет представление, как функционируют эти механизмы, сеющие ложь и порождающие дезинформацию.

У меня была эта возможность, и я рассказываю именно о том, что я пережил, и пережил острее, чем когда-либо, в эту эпоху кризиса, однополярного гегемонизма и глобализации реакционных идей, лжи, которая прежде доходила до одной страны, потом до целого континента, а теперь за долю секунды достигает любого уголка земли.

В действительности, социалистический лагерь и СССР разрушили главным образом не их собственные ошибки, их разрушила эта адская машина лжи, обмана и дезинформации; их заставили поверить, и они были не в состоянии противостоять этому, в иллюзию того, что эти общества потребления, этот западный мир был самым замечательным из всего, что только можно было придумать. Эти журналы, в которые было вложено столько бумаги, сколько нужно, чтобы обучить читать и писать вдесятеро больше народу, чем нынешнее население земного шара, посвященные, к примеру, сплетням о том, что сделали такие-то и такие-то личности, полные фривольностей, достаточных для того, чтобы сотни раз отправить в ад нынешнее население земного шара. Всем этим вещам, всей этой пропаганде были не в состоянии противостоять те, кто действовал во имя идеалов прогресса.

Мне известно, что огромное большинство верило в эти идеалы, но было неспособно найти или разработать средства, формы и методы, чтобы бороться с массой лжи и иллюзий, которые сеяли там всеми способами. Не были глупцами те, кто усердно запуская в эфир радиопередачи наподобие "Голоса Соединенных Штатов Америки" и их союзников, чтобы они доходили до всех уголков земли и до жителей социалистических стран, - все иллюзии, все выдумки, отчуждавшие миллионы людей в этих странах.

Конечно, это не заслуга кого-либо из нас, кубинцев, - суметь открыть и с гораздо большей ясностью увидеть все эти вещи, поскольку, конечно, то были огромные страны, и там существовал схематизм, догматизм - почти до того, что учение превратили в религию, - бюрократизм и масса других вещей, позволивших или сделавших возможным отступление в процессе истории, и то, что должно было усовершенствоваться, что очень нуждалось в совершенствовании, было разрушено. Главным элементом продолжал оставаться этот метод, который так умело и эффективно использовали капитализм и империализм.

Я уже упоминал, что вкладывались огромные средства, и говорил о фривольностях, сплетнях, глупостях, отравлявших людей, как могут отравить эти легкомысленнейшие телесериалы, которые приводят в такое восхищение, чаруют, завоевывают и поработают умы миллионов

людей. Так манипулировали и манипулируют сегодня, можно сказать, более чем когда-либо, сознанием миллиардов человек.

Огромное количество бумаги, самой роскошной, вкладывают просто в рекламу, и на рекламу используют миллионы часов в год. У нас уже давно нет рекламы по радио, в прессе и по телевидению, а сейчас мы были вынуждены, чтобы транслировать, например, важное спортивное соревнование, пустить по телевизору некоторые рекламные объявления. Вдруг, посреди волнующей и напряженной игры, наше телевидение и наш народ, особенно те, кто так остро переживает эти вещи, должны были видеть, как прерывался ход зрелища и начинали рекламировать какой-либо товар, который мог быть таким-то и таким-то автомобилем или чем-то другим, что огромное большинство населения не имеет ни малейшей возможности приобрести.

И так было до последних игр в Виннипеге, на которых, кстати говоря, бандитизм и коррупция в спорте, как в стольких других явлениях, проявили себя очевиднее, чем когда бы то ни было, когда мы решили любой ценой покончить с торговой рекламой в ходе наших волнующих спортивных соревнований.

Иногда мне удавалось увидеть интервью, которое брали у меня на иностранном телевидении, от этого приходишь в отчаяние, это выносишь только по привычке, когда каждые три минуты прерывается то, что говорится, чтобы рекламировать что угодно, начиная с крема, с масла для кожи, чтобы быть более загорелой или менее загорелой, более мягкой или уж не знаю что, парфюмерные изделия или, скажем, какой-либо аппарат, чтобы делать дома гимнастические упражнения, бегая так-то и так-то, и столько других глупостей, меня, по меньшей мере, это выводит из себя, это что-то ужасное.

Я бы сказал, что сегодня американский гражданин не может жить без этих перерывов, потому что это уже превратили в условный рефлекс, и если телесериал не прерывается объявлениями, это должно казаться ему чем-то нестимулирующим, лишенным напряженного ожидания и интереса, потому что он должен жить в этом напряжении - ждать, что незамедлительно скажет затем тот персонаж, который говорил, и что произошло с тем, о чем рассказывалось.

Представьте себе, что чувствуем мы - у кого выходит одна газетка на восемь страниц, которые надо еще думать, как использовать, а у нас немало лет выходила одна газета в день, - увидев газету с 80 страницами рекламы даже в некоторых странах третьего мира, где, как мы знаем, столько голодных, и столько нищеты, и столько детей на улицах, которые не ходят в школу, а просят милостыню, протирают ветровые стекла. На это тратится бумага, типография и многое другое. И я говорю о прессе.

Вы хотите найти определенное сообщение, а перед вами три полных страницы рекламы чего только заблагорассудится, где непросто найти маленький немного интересующий вас материал, а когда вы его находите, там в конце говорится: продолжение на странице такой-то, и вам надо перелистать еще 40 страниц, чтобы найти такую-то страницу, где продолжается то, о чем вам рассказывали и что вас заинтересовало.

Так что в действительности, принимая во внимание огромную бедность многих из этих стран, будучи сильнейшим ядом, получаемым этим путем каждый день, столько бумаги может только служить в качестве туалетной.

Нам приходится смиряться; даже вам, журналистам, приходится смиряться с тем, что если вы написали что-то хорошее, на том небольшом пространстве, где можете писать, с этим произойдет то же самое, что с большим количеством рекламных объявлений (Смех).

Знаете, лучше мне не углубляться в эту тему, или эти темы, потому что я хотел лишь отразить некоторые идеи, - о важности прессы, или, что намного лучше, о важности журналистов или тех, кого сегодня называют коммуникаторами - специалистами в области коммуникаций. Я

предпочитаю продолжать называть вас журналистами, хотя способен понять, что хотят сказать, называя вас коммуникаторами. В нашем университете, кажется, это сегодня называется факультетом социальной коммуникации. Прекрасно, это имя очень удачно, когда мы наконец полностью его поймем; но признаю, оно много шире, действительно, много шире.

Именно это мы увидели с такой ясностью на том съезде, о котором я вам говорил и на примере которого попытался немного просветить вас, учитывая возможности, существующие у нас, бедных специалистов в области коммуникаций - я никогда не осмелился бы претендовать на то, чтобы считать себя журналистом, но у меня действительно есть необходимость вступить в общение; я не специалист в области коммуникаций, а некто, кому необходимо вступить в общение, - перед лицом этой колоссальной империи и бесконечной силы тех, кто поворачивает мир вспять и угрожает привести его к уничтожению, тех, с чьими идеями, концепциями и ложью надо покончить.

Я действительно верю, что в этот переживаемый нами момент, уже вступив в следующий век, относительно которого даже говорится большая ложь, смотришь и приходишь в отчаяние. Например, утверждают, что следующее тысячелетие начинается в 2000 году. Об этом говорят еще одной ложью больше, хотя надо признать, что это всего лишь удобная ложь. Если они хотят, мы можем праздновать, и не бокалом шампанского, а обличая то, что надо обличать, два начала века, и с ними два начала тысячелетия. 31 декабря этого года и 31 декабря будущего в 12.00 и одну секунду ночи, в зависимости от географического положения каждой страны, где находится гражданин, потому что все так относительно, что за 12 часов наступит бесконечное число новых годов, новых веков и новых тысячелетий, и его будет праздновать каждый гражданин этого мира, потому что когда у соседа напротив этот точный час уже наступил, у него еще нет. Математически это так; я привожу это как пример, хотя в данном случае, можно сказать, скорее смешном и нелепом это пример невежества, лжи и условностей.

Реально то, что специалисты в области коммуникаций могут спасти мир. По крайней мере, коммуникаторы в нашей стране занимаются задачей спасения маленькой страны; но маленькой страны, которая борется с самой могущественной империей из когда-либо существовавших, самой могущественной державой во всех смыслах - экономическом, военном, технологическом - из всех когда-либо существовавших, и которая, кроме того, означает для нас неудобство быть не только нашим самым ближайшим соседом, но и нашим самым заклятым врагом. Судя по всему, случай захотел каким-то способом "предоставить нам особые привилегии".

Мы заняты этой борьбой, мы единственная страна мира, с которой эта империя ведет прямую экономическую войну. Остальные она грабит, остальные обворовывает, остальными быстро завладевает, можно сказать, хорошими темпами, при помощи бумажек, которые она печатает: бонов казначейства и американских долларов. Поглядите, так ли это, если в этой стране граждане экономят менее всех в мире, сейчас сбережения находятся ниже нуля, а ее граждане тратят больше среднего личного дохода. Таковы те, кто тратит больше всех и покупает больше всех в мире.

Когда родился капитализм, предполагалось, что необходимые денежные финансовые ресурсы будут создаваться на основе сбережений, которые будут делать буржуа или мелкие буржуа, потому что бедняки почти никогда не могли ничего откладывать; из сбережений создавался капитал, который вкладывали за рубежом или внутри страны. Сегодня капитал выходит из типографий системы генерального резерва Соединенных Штатов. Кажется, печатные машины находятся именно там.

Поглядите, какой это мир, какой это всемирный экономический порядок, и вы увидите, почему, когда существуют такие вещи, неизбежно должны произойти не ядерные войны, но ядерные социальные взрывы, должен произойти кризис, который положит конец всему этому. Пусть абсолютно никто в этом не сомневается, это неустойчиво, куда ни посмотри и что ни проанализируй.

Именно поэтому я говорил - не затем, чтобы похвалить вас, а выражая мою глубокую убежденность, - о важности роли специалистов в области коммуникаций и роли, которую они играют здесь, сражаясь против того, против кого сражаются. И о том, что сегодня нам предоставили, я бы сказал, к гордости Кубы, в мире, где столько политической трусости, в мире, где много очень слабых политиков, или, чтобы сказать точнее, столько столь слабых политиков, огромную честь быть единственной страной, не только испытывающей блокаду - конечно, это знают все, - но также и единственной страной, которой эта сверхмогущественная империя запрещает продавать продукты питания и медикаменты в своем отчаянном стремлении добиться невозможного - сломить нас.

Посмотрите, до чего уже дошла мораль этой системы, как низко она пала.

Вы упомянули сегодня голосование в Организации Объединенных Наций. Поглядите только, какой уровень дискредитации, несмотря на огромный американский пропагандистский аппарат, каждый день ведущий упорную работу против этой маленькой страны. Нет, Данте был бы неспособен описать такую страну как Куба, как ее рисуют эти средства информации, эта адская машина империализма, работающая против нашей маленькой, и позвольте мне сказать, хоть и краснея, героической страны, - героической не в силу ее собственных заслуг, а в силу стечения обстоятельств, о которых я упоминал: в силу того, что ее соседом и противником является столь могущественная держава. Если бы действительно наш враг был небольшим противником, не обладающим никакой властью, тогда о Кубе в мире даже бы не говорили.

Соединенные Штаты использовали все эти средства и, несмотря на это, произошли такие невероятные вещи, как на последнем голосовании, когда кто-то опоздал и вышел на трибуну, чтобы объяснить, что его голос не зарегистрирован, но что его позиция такая-то, такая-то и такая-то - в поддержку кубинской резолюции; другой нажал кнопку, но его страна не появилась в числе проголосовавших, и он сказал: "Послушайте, я пришел сюда сказать, что я нажал эту кнопку и что мы поддерживаем кубинскую резолюцию". Нет, подобного явления еще никогда не бывало; и один индивидуум там, представлявший Соединенные Штаты, отрицал, что блокада существует, что существует блокада, запрещающая продажу продуктов питания и медикаментов.

Нет, я действительно испытывал удовольствие в эти дни, потому что видел, насколько они растеряны, сбиты с толку, как они запутались и попали впросак, назовите это, как хотите, настолько, что они впали в истерику. Чего стоили все их средства? Ради чего стоило описывать Кубу как ад и заставить поверить в это не знаю уж сколько народу? И это вам говорит свидетель, человек, который принимает множество лиц, приезжающих на Кубу, и когда они понимают, что это не тот ад, который им описывали, они начинают критиковать нас, словно в этом наша вина или словно мы целиком виноваты в том, что все, происходящее на Кубе, и все, сделанное Кубинской революцией, неизвестно миру, и они почти что обвиняют нас в глупости из-за того, что мы не сообщаем об этом.

Например, скольким миллионам людей в мире надо растолковывать результаты этого голосования - 157 против двух, в действительности их было 155, плюс двое, заявивших там о своей позиции и о причинах, помешавших им проголосовать, плюс третья страна, которая на другой день заявила о том же самом, поскольку там не было официального представителя, он явился и попросил Ассамблею занести в акт, что его не было на заседании, потому что в тот день ему пришлось отлучиться, но его позиция - в поддержку, итого 158; а шесть стран, всегда поддерживавших кубинскую резолюцию, из-за страшной бедности, царящей во множестве стран третьего мира, не смогли голосовать, оттого что просрочили уплату своих взносов.

Почему эта поддержка, несмотря на такую клевету? Мне приходит на память то, что произошло в этом году со знаменитой Женевской резолюцией: накануне голосования, в 12 часов ночи, за нас было 25 голосов, на 6 голосов больше, чем у империи, то есть голосов против американской

резолуции, а еще до 8 часов утра, несколько часов спустя, у нас было на 1 голос меньше, чем у них: 20 голосов за них и 19 за нас. Самые крупные фигуры этой страны, начиная с сиятельной дамы - министра иностранных дел и сиятельнейшего вице-президента страны вплоть до светлейшего президента Соединенных Штатов отчаянно названивали по телефону. И я не буду упоминать обстоятельств, не буду называть ни одной из этих стран, потому что они на самом деле хотели голосовать за нас.

В последнюю минуту все определил один воздержавшийся, что оказалось голосом против, и 5 стран, которые были за нас, которых просили, с которых требовали и которых практически заставили воздержаться. Это произошло за семь-восемь часов, потому что когда они поняли, что проигрывают, они в ту ночь не спали. А, они не представляют себе, насколько они унижают правителя, когда таким образом заставляют его не делать того, что он хочет, и даже того, что он обязался сделать.

Это было там в Женеве, там они должны были потерпеть поражение; но там было меньше участников, намного меньше, чем на Генеральной Ассамблее. У них есть группа союзников, которые в этих вопросах безоговорочно с ними и, главным образом, в силу клеветы.

Вы говорили о тысячах журналистов, убитых за последние годы в Латинской Америке и в мире, и я ломал себе голову, пытаюсь вспомнить имя какого-либо кубинского журналиста, убитого за 40 лет Революции; я ломал себе голову, пытаюсь убедиться, что я не страдаю амнезией, отыскивая в памяти имя какого-либо кубинского журналиста, которого Революция подвергла пыткам, которому Революция нанесла побои.

А, были такие, кто обесчестил столь благородное звание, действуя не как журналисты, а как прислужники этой сверхмогущественной империи, как наемники, предатели своей маленькой родины, которая даже обеспечила им то, что благодаря Революции они смогли получить в университетах любую специальность, в том числе журналиста.

Какими бы ни были наши ошибки, никто не имеет права предавать свою родину; никто не имеет права продаваться и служить наемником у врага не только нашего народа, но и у врага человечества. Они предатели родины и предатели человечества!

Но даже за то, что они предатели, никто никогда не нанес им ни одного удара, никто не уничтожил их физически, никто не совершил по отношению к ним ни одного акта жестокости. Если кто-нибудь из этих наемников заболевает, он тут же отправляется в больницу, быстрее, чем любой министр или руководитель здравоохранения страны. К некоторым наемникам были применены санкции, когда они совершали тяжкие преступления, когда они наносили вред стране, но их не убивали, не били, не пытали, и они пользуются теми же правами и гарантиями, что и остальные граждане.

Конечно, есть такие, кто уехал, и есть такие, кто живет тем, что предоставляет свое перо на службу лжи и клеветы, распространяемой империей. Даже хуже: некоторые называют себя журналистами, хотя никогда не написали ни одной страницы и не прочли ни одного материала по журналистике. Это империя присваивает им эти звания. Они перемешивают людей всех мастей и называют их якобы независимыми журналистами, никем иным как независимыми!, когда они - квинтэссенция зависимости и продажности.

Давать им такие определения - значит глубоко оскорблять столь достойную профессию, так же как окрестить именем Хосе Марти американскую радиостанцию, передающую из Майами через антенну, прицепленную к воздушному шару, которая находится не знаю уж на какой высоте и мощность которой они в своей ярости и отчаянии хотят теперь удвоить - с 50 000 ватт до 100 000 ватт; ведь те талантливые и гениальные обладатели самых впечатляющих технологий не сумели добиться даже того, чтобы их телевидение было видно, чтобы их радиостанции были слышны, за исключением некоторых из них на определенных длинах волн, потому что наши скромнейшие

техники всегда изобретают способ заставить их замолчать. Они передают тысячи часов в неделю, и тысячи часов лжи!

Вот это демократия, это свобода прессы. Нет, нет, это средства печати, средства массовой информации, поставленные на службу самых отвязанных лжецов, профессионалов обмана, клеветы и предательства.

Основную пропаганду ведут оттуда, да, но ее также ведут и отсюда. Теперь в связи с саммитом здесь находится тысяча с лишним зарубежных журналистов. Да, нечто подобное тому, что было во время визита Папы, когда в страну съехались тысячи журналистов, многие из них - честные журналисты из самых разных мест; но также многие были посланы затем, чтобы наблюдать за падением стен Иерихона под предполагаемые звуки труб, потому что они верили, что визит Святого отца в нашу страну будет означать крах Революции за несколько часов, - во-первых, потому что они обманывали себя, не зная об идеологической, политической и интеллектуальной силе нашего народа, эту ошибку они совершали не знаю уж сколько раз; и во-вторых, потому что они ошибались в Папе.

Недавно - есть кое-что, чего я не говорил и что расскажу здесь вам, - я прочел заметку, из этих сообщений, которые мне приходится читать каждый день. Там объявлялось о появлении новой биографии Папы Иоанна Павла II - не знаю уж там, кого, одного американского автора, да, и к тому же официальной, - которая должна выйти на днях, в 900 страниц, и, как говорилось в сообщении, автор за последние годы десять раз встречался с Иоанном Павлом II, считая Папу исключительной личностью - и несомненно, это так и есть, я сам говорил это несколько раз, - но в соответствии с тем, что утверждалось в данном сообщении, единственном источнике информации, который сейчас у меня есть, каким намерены они представить его в этой биографии? Неким укротителем львов, что в действительности достаточно далеко от доброго человека, каким видишь этого Папу.

Папа был в этой самой Главной аудитории, здесь он прочел лекцию. Да, с этого места (указывает на один из стульев, где сидят слушатели) я слушал лекцию Папы; мое присутствие здесь в тот день не включалось в программу, но я захотел прийти его послушать. Он очень далек от того человека, каким можно увидеть его на основании этого сообщения: Папы-укротителя львов.

Хотя явно речь идет о биографии, задуманной и создаваемой в течение ряда лет, что прежде всего говорится в этом сообщении о книге, где одна глава посвящена Кубе? А! ничего хорошего. Там говорится, что в книге представлены частности, детали его поездки на Кубу, рассматриваемой как самое суровое испытание стратегии Папы во второе десятилетие его пребывания у власти - это называют так, стратегией, военным термином. Там незамедлительно рассказывается о словах и деяниях представителя Ватикана Наварро Вальса, одного из посланников Папы в месяцы, предшествовавшие визиту. Это человек, которого я знаю, я имел честь познакомиться с ним, беседовал с ним даже по вопросам, которые можно назвать философскими, хотя на эту тему я в особенности говорил с великолепным священником и теологом, который находился рядом со мной (монсиньор Марини, помощник Папы и ныне епископ), он произвел на меня приятное впечатление своим тактичным поведением и глубокими и уравновешенными суждениями. Это случилось после одного ужина, когда разговор за столом затянулся на несколько часов. Наварро сидел напротив меня, священник - рядом. Я задал теологический вопрос, спросив, какова позиция католической церкви в отношении возможности существования разумной жизни на других планетах вселенной. Так что я хорошо знаю Наварро Вальса: я знаю, как он говорит, что думает и что говорит, я не раз беседовал с ним. Он всегда вел себя уважительно и умеренно.

Я очень сожалею, и хоть бы была неверна тенденциозная, неточная и грубо лживая передача его слов автором этой биографии, о чем рассказывается в сообщении.

Очевидно, что автор этой заметки, корреспондент агентства Нотимекс в Риме, сумел первым

получить эти сведения, даже возможно, что ему дали текст книги; также возможно, что в переданный ему вариант биографии он добавил кое-какие собственные измышления.

Первая мысль, которую подчеркивает телеграфное сообщение, - это то, что визит Папы на Кубу был навязан Фиделю Кастро. В тот день я обнаружил, действительно, с большой грустью, что впервые в жизни мне что-то навязали и что впервые за историю этой Революции что-то было навязано нашему народу, нашему правительству, нашей партии, нашей родине. Меня действительно возмутила эта фраза.

Конечно, были и другие вещи. В этом сообщении говорится о письме, реальном или вымышленном, которое, по словам автора книги, Папа написал Брежневу, чтобы помешать вторжению в Польшу. Я не знаком с этим материалом и не знаю, посылал ли Папа письмо Брежневу; если это так, то наверняка в архивах ЦРУ и секретных служб Соединенных Штатов имеются копии, потому что известно, что когда Россия "демократизировалась" до последней степени, ее секретные архивы оказались в руках разведки Соединенных Штатов, так что они знают лучше чем кто бы то ни было содержание этого письма. Я его не знаю, не знаю, что там говорится; в сообщении упоминаются только отдельные закавыченные фразы. Наверняка в книге письмо приведено полностью.

Этот поступок также вписывается в образ Папы-укротителя львов: Папа своим письмом предотвратил вторжение в Польшу.

Я хорошо знал Брежнева и остальных советских руководителей того времени. Их методы, стили, указы, ошибки. Но они были чрезвычайно осторожными, стараясь во что бы то ни стало избежать определенного риска в отношениях с Западом. У нас было немало противоречий, и мы видели их опасения, когда Куба решила послать войска в Анголу, чтобы отразить вторжение южноафриканских расистов в эту страну.

Считаю, что советские войска не могли вторгнуться в Польшу; я мог бы перечислить массу причин, главная из которых - высокая степень риска того, что подобная глупость в самом сердце Европы могла бы привести к мировой ядерной войне.

Любой, кто хоть немного знает историю и кое-что соображает, понимает, что Советский Союз был способен оказывать сильное давление и даже произносить крепкие слова; но эта страна, уже втянутая в афганскую авантюру, политически была не в состоянии одновременно бросить войска против Польши - отважного народа с боевыми традициями, страны с десятками миллионов жителей, что помимо важного и решающего политического фактора в атмосфере большого напряжения в мире перегрузило и ввергло бы в хаос ее военный аппарат.

Похвально, что Папа написал письмо; похвально, что он привел аргументы и выдвинул доводы против этой отдаленной возможности, но здесь безусловно преувеличивают, в неуклюжем стремлении представить его как укротителя львов, утверждая, что своим письмом он предотвратил вторжение в Польшу.

Не будем отрицать, что Папа оказывает важное влияние на политические события своей родной страны, не будем отрицать весомости его мнения, это важный фактор субъективного характера, который добавляется к реальным и объективным причинам, в силу которых Польша не была и не могла быть объектом советского вторжения.

Даже больше: согласно столько раз упомянутому сообщению, в этой книге рассказывается о послании Папы Бушу, в котором он пытался убедить его не начинать войны против Ирака, на что Буш ответил, что это невозможно; и что за несколько часов до начала боев - буквально так говорится в сообщении - Папа позвонил президенту Джорджу Бушу и, "хотя еще раз высказался против применения силы, выразил ему свою поддержку".

Изображают дело так, будто Папа поддержал эту войну. На самом деле, у меня в голове не укладывается, чтобы этот Папа поддерживал какую-либо войну. Кто с ним знаком, кто его слышал, кто знает, что он обладает огромной культурой, глубокими убеждениями, знает почти все языки, все философии и все религии, тот не может представить себе, чтобы Папа занял подобную позицию.

Думаю, что если Папа не может убедить кого-то не развязывать ужасной и разрушительной войны, его реакцией было бы: я очень сожалею, это печально, это больно, погибли тысячи, десятки тысяч человек; в этой стране погибли сотни тысяч детей от голода, от отсутствия лекарств - как оно и произошло. Невозможно смириться с мыслью о том, что Папа желает победы главе империи, которая ряд лет назад убила во Вьетнаме более 4 миллионов человеческих существ, сделало инвалидами не знаю уж сколько человек, на десятки лет отравила земли и леса и вызвала своей жесточайшей и несправедливой агрессией психические травмы у десятков миллионов вьетнамцев всех возрастов, от которых они не излечатся в течение всей жизни.

Не надо быть членом его церкви, не надо быть верующим, чтобы быть полностью убежденным в то, что это невозможно, что это ложь.

Как собираются писать биографию Папы, наделяя его таким характером? Поможет ли это католической церкви, которая, так же как остальные, стремится распространять свое учение, свою религию, стремится к распространению в мире?

А что касается главы о нашей стране, как могут быть люди, способные на такую низость, чтобы в ответ на наше внимание, учтивость, почтительность и все жесты по отношению к Папе, жесты искренние, гостеприимные, уважительные, теплые, выступить со столько грубой ложью?

Я часами говорил по телевидению, объясняя исторические события и рассеивая предубеждения, убеждая членов партии и молодых коммунистов, боевые и революционные массы нашего героического народа, миллионы человек, чтобы, несмотря на философские или политические различия, мы подали пример, присутствуя без единого плаката, без единого лозунга и с самым абсолютным уважением на мероприятиях, проводимых нашим славным гостем.

Мы практически вручили страну Папе. На улице не было ни одного человека с винтовкой или с пистолетом. Не произошло даже ни единого дорожно-транспортного происшествия в связи с массовыми стечениями народа. Это был - как позже сказали многие в Ватикане - самый организованный и самый безупречный визит из всех, сделанных Папой. Сто десять иностранных телеканалов, тысячи журналистов, только для того, чтобы освещать визит! Все средства, необходимый транспорт - почти весь, какой имелся в стране, сооружения и площади, выбранные представителями Папы, все без единого исключения были предоставлены в его распоряжение. Были детально проверены интересовавшие их залы и места Государственного совета. Они попросили Главную аудиторию Гаванского университета; площадь Антонио Масео в Сантьяго-де-Куба; площадь Игнасио Аграмонте в Камагуэе и, наконец, Площадь Революции в столице Республики. Все было им предоставлено. Для мессы в Санта-Кларе им предложили площадь Эрнесто Че Гевары. Они отвергли ее. Возникла необходимость срочно создать площадь на спортивных площадках факультета физического воспитания университета Вилья-Клары. К услугам Папы был предоставлен главный канал кубинского телевидения, чтобы транслировать мессы, проповеди и речи, произнесенные в каждом из этих мест. То было подлинное выражение нашего традиционного гостеприимства, порядочности, культуры, политической смелости нашего народа и просто ясное выражение уважения к Папе как выдающейся личности, главе тысячелетнего религиозного института - таким же образом, как мы сумели признать и выразить свое уважение всем религиям, исповедуемым в нашей стране.

Официальное приглашение посетить Кубу я сделал Папе лично 19 ноября 1996 года, когда встретился с ним в Ватикане, где он принял меня с безупречной любезностью и уважением.

О многих из мер, принятых для того, чтобы обеспечить блеск и успех визита, никто не просил, это была инициатива Кубы.

Так справедливо ли, порядочно ли представлять визит Папы на Кубу как нечто, навязанное нам?

Тот, кто работал больше и лучше всех среди посланников Папы, - падре Туччи, благородный и преданный своему делу священник, организатор поездок Папы вот уже 17 лет, с которым я встречался несколько раз, - в этом сообщении даже не упомянут.

Независимо от намерений тех, кто участвовал в создании этой биографии, автор которой явно имел широкий доступ к архивам Ватикана и вел долгие и интимные беседы с Наварро Вальсом, чьи слова он приводит, интерпретирует и манипулирует ими по своему усмотрению, испытывая несомненную ненависть к Кубе, - чем могут быть полезны католической церкви столь несправедливые образы как Папы, так и Кубы, как те, что он пытается создать?

Известно, что Папа хотел посетить Вьетнам; если потом кто-то будет говорить, что Папа укротил вьетнамцев и что его эмиссар навязал визит Вьетнаму, намного уменьшится возможность того, что вьетнамцы рискнут принять Папу.

Известно, что Папа хотел бы посетить Китай. Если китайцы прочтут подобную книгу, где Папа представлен укротителем львов, вряд ли китайцы согласятся на визит Папы. Речь идет о полной глупости, о факте нехристианском, недипломатическом и неполитическом. Я абсолютно уверен, что Иоанн Павел II почувствует раздражение и огорчится этим неуклюжим манипулированием его поездки на Кубу, где он был принят с таким вниманием, с таким уважением, почтительностью и любовью.

Я рассказал вам эту историю. Это еще одно доказательство того, как используются средства информации и как создаются легенды о нашей родине, вследствие чего, как я вам говорил, гости, обнаруживая, что эта страна - вовсе не дантов ад, даже критикуют нас за то, что мы были неспособны донести до мира правду.

Я рассказывал вам о том, какое удовлетворение и воодушевление оставил после себя съезд Союза кубинских журналистов. Этот съезд продлился на несколько дней дольше намеченного. Каждый день он заканчивался после полуночи, и в последний день он, кажется, закончился почти на рассвете, если я не ошибаюсь. В котором часу? (Ему говорят, что в 8.30 утра.) Четыре с половиной дня мы обсуждали, говорили о наших проблемах, анализируя их глубоко и критически.

Конечно, наше трудное положение стало серьезнее вследствие не самого лучшего использования ресурсов средств массовой информации в нашей битве против империализма, поскольку это было основной задачей Революции - бороться за социальную и человеческую справедливость и бороться против тех, кто в мире противодействует этой справедливости, что является смыслом существования Революции.

Повторяю, что в эти дни мы обсудили огромные возможности средств массовой информации в революции и в революционном социалистическом государстве. Но в те дни мы поняли более чем когда-либо, что эта битва - не наша битва, что в ней менее всего значим мы и что борьба нашей страны и наших коммуникаторов превращается в битву всего мира. Это, поверьте мне, явилось чрезвычайным стимулом. Мы увидели это с большей ясностью, чем когда-либо, и не осталось незатронутым ни одного пункта, мы проанализировали все.

Если сегодня выпускается этот курс, это результат того съезда, потому что там было сказано: "Эти курсы с участием латиноамериканских журналистов - какая жалость, что они свелись к нулю". Институт находился в жалком состоянии в плане средств и количества предоставляемых стипендий. Был задуман ряд различных мер, с тем чтобы применить их немедленно, и вы не

представляете себе, сколького мы добились за семь месяцев!

Именно там было решено сформировать бригады журналистов, которые отправились создавать репортажи о наших врачах в самые отдаленные места центральноамериканских и карибских стран. Там возникла эта идея, которая имела огромное значение, потому что помогла поддерживать связь между нашим народом и этими врачами; между врачами и их родными и между родственниками и врачами; она помогла укрепить дух этих людей, выполнявших героическую работу в местах, где иногда надо было идти пешком три-четыре дня по заболоченной тропинке, чтобы прийти в отдаленное селение, где не было ни питьевой воды, ни электричества, а порой даже ни радио. Они установили механизм связи между страной и самыми выдающимися, самыми героическими апостолами гуманизма, которые имеются сегодня среди нашего народа.

Да, ибо в нашей стране были героические учителя, как те 2 000 человек, что отправились в горы Никарагуа, где за несколько лет побывало много тысяч человек. Теперь я не мог бы назвать точную цифру, я точно не помню, сколько действовала эта программа, но вполне вероятно, что в ее осуществлении приняло участие от 8 000 до 10 000 учителей, живших в самых невероятных условиях, где иногда в одной единственной комнате жила супружеская пара, многочисленная семья, лошадь и учитель или учительница, они жили не в пятизвездочном отеле. Они находились на расстоянии многих дней пути и даже иногда в условиях, опасных для здоровья, потому что на Кубе у всех них были определенные навыки лучшего питания.

Мы хотели в какой-то момент усилить их питание, как-нибудь посылать им что-нибудь, чтобы из-за истощения организма они не заболели. Это оказалось невозможно, потому что когда мы направили им первые посылочки с подкреплением, они немедленно раздали то, что мы им посылали, будь то шоколад, сухое молоко, что бы то ни было в этом роде, детям и всей семье, что было вполне естественно. Нам стыдно вспоминать эту глупость - пытаться посылать им продовольственные пайки. Это было невозможно.

Поэтому, когда я говорю герои, апостолы, я говорю не только об этих врачах, я имею в виду то, что происходит сейчас. Сегодня эти задания за границей выполняют не учителя, сегодня у нас нет бойцов, которые боролись бы с расистскими и фашистскими войсками Южной Африки, сегодня мы не заняты другой подобной деятельностью; на сегодняшний день по-настоящему впечатляющим делом заняты наши врачи, и то, что предстоит им вскоре, будет в пять или в шесть раз больше того, что они делают сейчас. Потому что наша страна создала огромный человеческий потенциал, она использовала бумагу не на журналы, полные сплетней, или на рекламу, не в это она вложила средства, она вложила их в то, чтобы вырастить врачей, так что стала страной с самым высоким показателем врачей на душу населения в мире, чтобы вырастить учителей, так что имеет самый высокий показатель преподавателей и учителей на душу населения в мире; она сформировала преподавателей физического воспитания и спорта, связанных с разносторонним воспитанием и образованием, а не с профессиональным спортом, и стала страной с самым высоким показателем среди всех стран мира; быть может, по уровню исследователей и научных работников и в других областях мы также на одном из первых мест.

В это мы вложили наши скромнейшие ресурсы, в условиях блокады, которая длится уже 40 лет, и мы сумели выстоять, когда это стало уже не только блокадой со стороны Соединенных Штатов, но когда к этой блокаде примкнул и бывший Советский Союз. В тот миг, когда он распался и исчез, практически прекратилась торговля, до тех пор пока она не стала понемножку восстанавливаться, но не достигая даже отдаленно того, что у нас было.

Прошло почти десять лет двойной блокады, но не закрылась ни одна школа, ни один детский сад, ни одна поликлиника; ни один работник не остался без гарантированного дохода; не было ни единого подобного случая; в эти годы особого периода наша страна сумела увеличить число врачей примерно на 30 000 человек.

Тридцать тысяч новых врачей было выпущено за это последнее десятилетие, и каких врачей, как они подготовлены! - потому что программы мы готовили заранее. Двадцать один факультет, все больницы и учреждения медицинской помощи страны превращены в учебные центры. Сколько же стоит теперь весь накопленный опыт, чтобы распространить его на те страны, которым нужно срочно формировать специалистов. Они могут иметь одного учителя на душу населения или одного преподавателя на душу населения, потому что достаточно приставить к любому из этих кубинских специалистов, выполняющих свою миссию за рубежом, молодого выпускника-медика, с соответствующими учебниками, и он станет специалистом за половину того времени, в которое они формируются в клиниках.

Я упоминал это, потому что об этих делах нашей родины никогда не говорится - или очень редко - ни в одном из сообщений, передаваемых по миру. Достаточно арестовать наемника на службе империи и приговорить его к немногим годам тюрьмы - намного меньше наказания, к которому приговаривают за акты предательства в Соединенных Штатах, - и тогда это известие фигурирует целый год, день за днем, в сообщениях и в прессе. И я не виню иностранных журналистов; в последнее время у нас даже было с ними больше контактов в связи с некоторыми встречами, и мы обнаружили способных людей и высокий процент людей, с которым можно разговаривать и которые чувствуют правду.

Нет! - на них нельзя возлагать ответственности, независимо от того, что мы имели несчастье принимать некоторых журналистов, бывших прямыми наемниками Соединенных Штатов и работавших в тесном контакте с Отделом, представляющим здесь интересы этой страны. Некоторые, даже не многие, даже не большинство, даже не небольшое меньшинство, но были сугубо возмутительные случаи из-за той роли, которую они играли в нашей стране, поощряя подрывные действия, выполняя приказы Соединенных Штатов, восхваляя наемников, создавая лже-лидеров и фигуры, которые были известны лишь из сообщений и которые не увлекут и десятка человек в этой стране.

Эта задача больше всего интересовала империю - разделять, дестабилизировать, искусственно создавать фигуры и возвеличивать их бессовестными методами. Я не виню их, потому что журналисты также живут своей работой и тем, что получают. Поэтому я спрашивал, есть ли здесь кто-нибудь из МОЖ, ведь вам известно, что информационные сообщения направляются в штаб-квартиры, и уже там решают, что публиковать. Такова свобода печати, какой пользуются, как правило, те, кто вынужден сотрудничать с большими издательскими и информационными предприятиями, это многие работники печати, занимающиеся умственным трудом.

Когда такому престижному органу печати как "Нью-Йорк Таймс" позвонили из Белого дома и сказали, чтобы он не публиковал имеющейся у него информации о скором вторжении в заливе Кочинос, они не опубликовали ни единого слова, в связи с чем попали впросак и поставили в неприятное положение Соединенные Штаты, потерпевшие унизительное поражение в ходе этого вторжения.

В сущности, в печати капиталистического мира не все определяют приказы правительства. Часть ее провозглашает себя злейшим врагом всяческого прогресса; другая часть занимает позиции, ставящие превыше всего национальные интересы; а третьи просто-напросто подвергают себя самоцензуре. Скажем, одна часть поддерживает наихудшие интересы, другая близка к правительству или к позициям правительства; а третьи из патриотизма или из лже-патриотизма не публикуют того, что считают не идущим на пользу их страны. Этим я хочу сказать, что если страна потерпела унизительное поражение в Организации Объединенных Наций, об этом не печатают, и о многом другом тоже; если вокруг Кубы создана истерия или в ее отношении утвердились те или иные клише, они не рискнут сказать что-либо положительное про Кубу.

Считая нас противниками правительства Соединенных Штатов, они, практически инстинктивно, по привычке, по традиции не публикуют определенных сообщений, полностью идущих вразрез с

преступной блокадой или политикой правительства империи. Это различные причины, по которым в мире не знают правды.

Не то что им говорят: "Знаете, не публикуйте этого". Они придерживаются определенной линии, определенной практики. В таком случае, где же действительно свобода печати? Где она?

Согласен, я не говорю, что полностью нет свободы печати, иногда тот или иной журналист что-то правдивое да напишет. Есть журналисты, которые анализируют, проводят исследования и делают иные усилия; есть много прекрасных американских журналистов. Да, но печатают их лишь один раз; вторая статья уже не выходит, потому что на них давят отовсюду - начиная с Белого дома и вплоть до достаточно низких уровней, им советуют якобы во имя национальных интересов не затрагивать того или другого вопроса.

Оказывается давление даже на самые серьезные американские органы печати, препятствуют публикации определенных статей и материалов, и, в целом, с другой стороны, там находят отражение стереотипные клише в отношении нашей страны. Существуют безотказные, неизменные клише, когда речь ведется о Кубе, единственное прилагательное. Даже когда они выступают против чудовищной блокады, то аргументируют следующим: она потерпела поражение, она длится уже 40 лет и не достигла своей цели - достижения настоящих демократических изменений, уважения прав человека, введения многопартийности и тому подобное. В этих статьях не фигурируют соображения этические или гуманитарные.

Даже когда они рекомендуют что-то исправить, то заявляют, как это делает и господин Клинтон, что это необходимо для того, чтобы покончить с Кубинской революцией. Они хотят покончить - и я заявляю это безо всякого шовинизма - с самым лучшим и самым гуманным социальным проектом из всех, осуществленных в этом веке (Аплодисменты).

В какой из стран третьего мира неграмотность была сведена к нулю, и за какой срок? В какой из стран третьего мира средний уровень образования был в кратчайший срок доведен до девятиклассного? В какой стране мира население обладает знаниями и политической культурой, которыми обладает наш народ, где любой молодой человек знает, где находится Китай, Вьетнам, Кохинхина, как говорили раньше, или отдаленная тихоокеанская страна, о местонахождении которых не имеет представления огромное большинство американских политиков?

В какой стране знакомы с всеобщей историей, или, скажем, с основными проблемами любой части мира? Что произошло во Вьетнаме, что произошло в Сахаре, что произошло в Южной Африке? Что произошло в любой латиноамериканской стране, в Аргентине, в Уругвае, в Чили? Что произошло в Центральной Америке? Где происходили грязные войны? Кто вооружил и подготовил самых больших истязателей и преступников, когда-либо существовавших в этом мире? Кто виновен в том, что в результате вторжения наемников - наподобие Пляя-Хирона - в братскую центральноамериканскую страну погибло 150 000 человек и из их числа около 100 000 человек пропало без вести?

Эти «апостолы» демократии, справедливости, прав человека вступили в сговор с фашистскими правительствами в момент окончания Второй мировой войны, увезли к себе нацистских специалистов по вооружению, которым в Соединенных Штатах были предоставлены условия для изготовления самых совершенных бомб, ракет и всего изощренного оружия, при помощи которого сегодня они правят или пытаются править миром.

Какая страна украли больше всего умов? Достаточно сказать, что на этом континенте за несколько десятилетий было выпущено 1 500 000 врачей, из которых 750 000 находятся за границей и почти все - в Соединенных Штатах.

Промышленно развитые страны за последние 40 лет украли у Латинской Америки значительное

число специалистов - я сейчас не помню точной цифры. Знаю только, что затраты на формирование этих специалистов, согласно проведенному исследованию, обошлись не менее чем в 30 миллиардов долларов; их увезли, не выплатив ни цента.

Те, кто едет в Гаити, в Центральную и Южную Америку, чтобы своими знаниями способствовать развитию этих стран, - не выпускники американских университетов.

Кражей умов Соединенные Штаты лишили страны этого полушария многих самых лучших специалистов, а сегодня весь мир признает, что ум, знания, информация являются основным фактором развития. Действительно, они вывезли многих из самых лучших, не заплатив ни цента; не думайте, что они грабят нас только путем высоких процентных ставок, государственного долга, неравного товарообмена, жестокой эксплуатации дешевой рабочей силы наших стран.

Куба не страдает от этого в такой мере. Мы сумели повысить уровень образования; мы опередили Соединенные Штаты - самую богатую страну мира - в области начального образования; мы уже обошли их по показателю детской смертности, у нас почти на 10% меньше. Да, у нас лучший показатель, и, кроме того, он хорошо распределен по провинциям. В какой-то момент у них средний показатель был 10 на тысячу родившихся живыми, сейчас - семь с чем-то, в этом году мы не знаем, будет ли он равняться 7 или 8, это надо уточнить, - и именно в этом году у нас почти наверняка этот показатель составит 6,5, когда казалось невозможным опустить его ниже 7. Это благодаря всем нашим врачам, их самоотверженности, благодаря работникам здравоохранения, всему, что они делают, чтобы спасти одну жизнь.

Именно поэтому я говорю, что ни одна страна не выполнила того, что выполнил наш народ, - дела более человеческого, более справедливого. Да, но для миллионов людей в мире мы - истязатели, нарушители прав человека, страна тоталитаризма. Да, мы страна тоталитаризма, потому что мы установили тоталитаризм справедливости, тоталитаризм подлинной гуманности (Аплудисменты).

Демократия, многопартийность - сколько партий им нужно и для чего? - потому что мы можем продемонстрировать им сколько угодно. Мы можем продемонстрировать им 7 - 8 миллионов партий.

Я говорю о народе, умеющем читать и писать, о стране, где молодежь голосует с 16 лет, где молодежь разбирается в политике и знает, что делает; это дети страны, где граждане выдвигают кандидатов в делегаты от избирательного округа на свободной и открытой ассамблее, в ход которой партия запретила себе вмешиваться, и это запрещается также избирательной системой - системой, введенной самой партией, и где Национальная ассамблея - конечный результат этого процесса - состоит почти на 50% из этих делегатов, избранных непосредственно на первичном уровне, то есть в избирательном округе, чего не происходит нигде. Пусть расследуют это, вместо того, чтобы выдвигать пустые лозунги.

Как я сказал недавно, совсем недавно, на одной пресс-конференции, у нас есть формула для тех, кто называет себя диссидентами: пусть пойдут на ассамблеи, где выдвигают кандидатов, пусть участвуют в выборах, где их выбирают, и если Революция потеряет большинство, она потеряет власть. Достаточно того, чтобы они выиграли. Пусть они выдвинут свои кандидатуры в избирательном округе, на первичном уровне, в зоне, потому что избирательные округа подразделяются на зоны, и пусть выдвинут своих кандидатов в одной или в нескольких зонах; пусть идут туда, где собирается народ, чтобы их выдвинули граждане, пусть идут на выборы, где бы их выбрали, и им не нужно будет абсолютно ничего, чтобы взять власть в этой стране. Не партия выдвигает кандидатов и включает в списки на первые места тех, кого хочет выбрать после беглого исследования настроений избирателей, что почти с математической точностью позволяет им узнать, сколько пойдет на выборы, и руководство партии говорит: "Эти будут тремя депутатами: первый, второй и третий из нашего списка". Такого здесь не происходит.

Любой гражданин имеет право выдвигать кандидатов, избирать и быть избранным. Единственное, что для этого нужно, это заслуги. Этого не происходит, потому что у него есть определенная сумма денег, потому что он может оплатить всю пропаганду, которая ведется так же, как если бы рекламировалась "Кока-кола", те или иные сигареты, та или иная марка автомобиля, что, как вы знаете, оказывает огромное влияние на конечный результат. Если бы этого не происходило, в этом мире не тратили бы на торговую рекламу миллиарды долларов ежегодно. Средств, расходуемых только за один такой год, было бы достаточно, чтобы построить все школы, в которых нуждается мир, причем высшего качества, а малой части ежегодных затрат хватило бы, чтобы обеспечить школьное питание всем нуждающимся и платить достойную заработную плату учителям.

Не кажется ли любому здравомыслящему человеку, что это было бы чуточку лучше, чем тратить миллиард на отравляющую и отупляющую рекламу, с тем чтобы заронить в умы миллиардов простых, бедных людей мечты о шикарном автомобиле последней марки, о самых великолепных швейцарских часах, о самых элегантных парижской, лондонской, нью-йоркской модах и даже о том, каким лезвием бриться, какой прохладительный напиток пить и по какому телевизору смотреть телевизионные программы?

Почему тратят миллиард долларов? Потому что тот, кто не рекламирует себя, выходит из игры. Почему выигрывает кандидат, который обеспечивает себе рекламу? Или, как говорят сами американцы, выходит из игры тот, у кого есть всего лишь 18 миллионов. Например, госпожа Доул только что сняла свою кандидатуру, потому что у нее было только 18 миллионов, и, наоборот, у Буша было уже около 70; она объявила себя побежденной: восемнадцать миллионов недостаточно, я ухожу домой. Вот настоящая демократия! Кто осмелится поставить ее под сомнение?

Деньги для рекламы, и реклама для того, чтобы вбить людям в голову, за кого они должны голосовать, а чтобы внушить им эту блестящую и столь ясную политическую идею, надо, помимо этого, исправить кандидату прическу, внешний вид, строго следовать инструкциям создателей имиджа, писать кандидату речи, с которыми он должен выступать, и убеждать массы в его огромном таланте государственного деятеля и высочайших нравственных достоинствах, которые сделают из него великого президента. Кто же на самом деле избирает в этой системе? Деньги и реклама – вот главные избиратели.

В нашей тоталитарной стране таких избирателей не существует; здесь главные избиратели – 8 миллионов граждан, начиная с 16-летнего возраста, которые, кроме того, участвуют в голосовании. При той сверхдемократии граждане настолько убеждены во всей этой дряни и лицемерии, что, если они не поняли этого сознательно, то воспринимают инстинктивно и настолько ценят право голосовать, что в день выборов уезжают на пляж, невысказанный пример. Здесь, где голосовать необязательно, голосуют более 95% избирателей, в некоторых случаях 98%, 99%, в зависимости от избирательного округа, люди идут голосовать по-настоящему, некоторые даже с тем, чтобы зачеркнуть бюллетень или написать на нем что-нибудь контрреволюционное; однако тех наших избирателей, кто идет голосовать, и голосовать честно, гораздо более 90%.

Вы знаете, каковы кубинцы. Если они могут позволить себе публично получать инструкции от служащих Отдела, представляющего интересы Соединенных Штатов, неужто они побоятся не ходить на выборы? Может ли оказываться принуждение в этой стране? Нет, тем, кто знает кубинцев, известно, что это абсолютно невозможно.

А, эти из ЮСИС – они просто наглецы. Могут вам сказать, что, например, сегодня в связи с ибероамериканской встречей в верхах, в рамках плана по ее срыву, они провели в трех разных местах столицы три встречи с тремя контрреволюционными группами, на которые пригласили нескольких журналистов. Сейчас, как вам известно, здесь масса журналистов из всех стран. Очень хорошо, журналисту, естественно, интересно, любопытно побывать там и сям, видеть, что

происходит, ему сообщили, чтобы он посмотрел, какую замечательную доктрину там защищают. Ну, конечно, там непременно должен был присутствовать сотрудник ЮСИС, должностное лицо из другой страны, которую я не хочу называть, потому что, в конце концов, они не занимаются тем, чем занимается ЮСИС, и, может быть, его пригласили; естественно, там было больше журналистов, чем контрреволюционеров. В действительности, по тому, что мне рассказали те, кто их сосчитал, их там собралось 11 человек.

Были еще две встречи: одна – размышления уж не знаю о чем – должно быть, о пятой ноге для собаки, – и на которой ожидалось не знаю сколько человек, а другая... я даже не помню. Так что было три встречи; в конечном счете, на одной присутствовали 11 человек, и было больше журналистов, чем участников; на второй было 9, и на третьей – пять. Видите, какое влияние, какая могучая сила, потому что они знают, что народ прекрасно осведомлен об их предательских акциях. ЮСИС не смог скрыть ни бесстыдства своих действий, ни роли этих его сообщников в планах срыва ибероамериканской встречи.

Говорят, что они собирались провести демонстрацию с плакатами. У нас имеются плакаты тех четырех или шести, что спровоцировали инцидент против учащихся преуниверситетской школы и техникума, собравшихся в сквере на свой праздник, мы показали их по телевидению народу и всем представителям информационных агентств, чтобы они списали и опубликовали их; больше всего нас разочаровало и возмутило в этих плакатах – если только что-то возмутило, – так это две колоссальные орфографические ошибки в плакате из пяти слов. Я сказал: надо же, какой стыд, после всех огромных усилий, какие делаем мы в этой стране, чтобы люди умели хорошо читать и писать!

А, хотите кое-что знать? Их американские наставники посоветовали им пройти маршем шесть кварталов. Счастье, что там проводился праздник учащихся, и с ними были преподаватели.

Ну хорошо, жаль, я не смог видеть этого, но вчера уже разыскали четверых – не знаю, следили ли вы за происшедшим, – которые ехали в грузовике. Мы сказали: "Мы разыщем этих четверых", потому что было сказано, что кто-то ударил молотком по телевизионной камере одного иностранного репортера, и, представьте себе, что будут говорить, что по камере журналиста били молотком. Именно так, дескать, на Кубе царит самый жестокий фашизм, кто-то с грузовика ударил молотком по телевизионной камере. Мы постарались точно узнать, кто это был, о каком грузовике шла речь, узнать, что же случилось. Когда я разговаривал на телевидении с представителями информационных агентств, прошло всего несколько часов, за три часа мы не смогли разыскать этот грузовик. Да, но прямо вчера, сразу же после того, как люди услышали об этом по телевидению – о том, что мы хотим разыскать грузовик, в министерство, где они работают, Министерство внутренней торговли, явился человек, нанесший удар молотком, и двое товарищей, бывших с ним рядом, они перевозят материалы. Они явились сами по себе, озабоченные: "Это были мы, мы узнали по телевидению и пришли сюда объяснить, что произошло".

Сегодня по телевидению у всех четверых взяли интервью, включая шофера грузовика; то было четверо недостававших свидетелей, мы думали, их было трое, но оказалось, что в грузовике, проезжавшем там в момент инцидента, находилось четыре человека. Они рассказали, что произошло и что они сделали. И сегодня, примерно в 8.20 вечера, должны были передать это интервью по телевидению, чтобы не оставалось ничего несказанного: рассказ хозяина молотка и рассказы тех, кто был в грузовике.

В настоящий момент мы ничего не знаем, мы пропустили этот эпизод. Я очень рад, что мы его пропустили, чтобы иметь возможность немного побеседовать с вами. Все четверо уже выступили, так что завтра мы услышим их комментарии. Здесь это происходит по телевидению. О нас говорят: "Там никогда не показывают того, кто кого-то убил, никогда не показывают того, кто совершил тяжкое преступление по отношению к журналисту". А здесь в рекордное время показывают по телевидению тех, кого обвиняют и о ком передают сообщения по всему миру.

Следствие и допрос ведут в присутствии всего народа.

Я посмотрел на часы, похоже, что я немного затянул свое выступление (Смех); обещаю вам, что это больше не продлится, не может длиться намного больше. Нам даже надо кое-что просмотреть. Вот-вот начнется саммит; я полностью забыл о том, что должен был сделать в этой связи (Смех).

Действительно, я очень ценю ибероамериканские встречи на высшем уровне, все их значение. Я ценю политические встречи в верхах, но также высоко ценю саммиты деятелей культуры, а вы для меня деятели культуры, особенно отважные деятели культуры, потому что у всех нас был свой особый период. Вы прошли через эти годы, и мы тоже, но из этих лет мы почерпнем огромную силу, мы совершили наше самое прекрасное и самое грандиозное из всех дел, и знаем, что эти дела защищают, укрепляют, движут вперед и приводят к победе при помощи идей и путем передачи идей и посланий, путем передачи истин, чтобы создавать эти субъективные факторы, ускоряющие курс истории, поскольку мы не можем просто ждать, когда общества взорвутся, когда взорвется система в мире, населенном миллиардами, которые даже не знают о том, что происходит, не знают, о чем думать, не знают, что делать и чего придерживаться, и даже не представляют, существует ли какая-либо возможность или надежда.

Мы, которые думаем, что действительно существует возможность и надежда, опирающаяся на прочные основы, можем передать эту надежду, можем убедить в этой возможности; так выполним же нашу работу. И тут дело не в партиях, хоть это не значит, что мы против партий; чем больше их будет, и левых по-настоящему, тем лучше, потому что нет ни всех левых, какие могли бы существовать, и не все, которые выдают себя за левых, являются таковыми.

Я вспоминал маленькое информационное сообщение, полученное на днях. Я прочел там, что даже Демократическая партия, та, что, например, развязала войну во Вьетнаме, устроила вторжение в бухту Кочинос, установила блокаду Кубы, которую поддерживали все последующие президенты этой самой партии... Я говорю этой самой партии, потому что как Демократическая, так и Республиканская настолько одинаковы, что они, благодаря этому замечательному механизму двух партий, похожих друг на друга как две капли воды, создали действительно однопартийную систему, скажем, самую идеальную однопартийную систему, существующую в мире.

Одну из этих партий, сестер-близнецов, однойцовых близнецов - а вы знаете, что эти близнецы, если кто-нибудь из вас забыл, рождаются из одного яйца, разделившегося на две части, и они так похожи, что их можно перепутать, можно перепутать даже жену или мужа, если обе пары живут в одном доме, - Демократическую партию Соединенных Штатов, ее достаточно убедительно упоминали на недавно состоявшемся конгрессе Социалистического Интернационала как возможного кандидата на вступление в его ряды; да, партия законов Торричелли и Хелмса-Бертон, инициатор и все еще сторонник преступной блокады Кубы, несмотря на то, что многие ее члены, спасая свою честь, выступают против этого чудовищного преступления. Оставляя в стороне жестокие истребительные войны, как та, что только что имела место в Европе, и новые стратегические концепции НАТО, предполагается, что это движение представляет собой важную часть левых сил мира, неудержимо стремящихся к будущему, к прогрессу, к справедливости, к демократии, к свободе. Насколько мы продвинулись, выбирая запутанные третьи пути!

В действительности, мы предпочитаем наш социализм со всеми его недостатками (Аплодисменты); предпочитаем тоталитаризм правды, справедливости, искренности, подлинности, тоталитаризм действительно человеческих чувств, тоталитаризм с той многопартийностью, которая у нас имеется.

Мы предпочитаем тоталитаризм восьми миллионов партий, и восьми миллионов объединенных партий, потому что это они выдвигают кандидатов и избирают, намечают планы, принимают и

поддерживают политику, обсуждают ее начиная с самого низа и кончая руководящими государственными учреждениями. Это лучше, чем 80 партий или чем чудо двух партий в едином лице, тиранящих американское общество - яркий пример, маяк и наставник всего мира.

Лучше быть слепым, чтобы никогда не видеть такого света, и даже идти вперед самим по себе, без собаки-поводыря, потому что наши собственные ноги, наш собственный инстинкт помогут нам следовать верным путем.

Так давайте же создадим свет, ибо есть возможность создать свет, ибо человек не слепой. Его могут заморочить кое-чем из того, о чем я здесь говорил, и постоянно морочат. Нужен антидот от отупения, которое страшнее СПИДа, вот что нужно! Средства от отупения! Вакцина против отупения! И у вас есть эта вакцина, эта вакцина - правда, и она предназначена для одного: проникнуть в человеческий разум и сердце.

С вами разговаривает не человек, впервые вышедший сюда, или студент университета, обучавшийся здесь более 50 лет назад, которого любой мог бы принять за безумца, мечтателя, утописта. И на самом деле, я даже способен признать вашу правоту, если бы вы приняли меня за безумца, из-за того, как я уже думал в том обществе, в том мире, в котором жил, в том университете, где обучалось 15 000 студентов и где маккартизм и средства массовой информации - печать, кино, радио; в то время еще не было телевидения, - издания, журналы, книги, за очень редким исключением, формировали умы, воспитывая в них ненависть к социализму, покорное и холуйское преклонение перед величием империи, которая "дала нам независимость", такой кровью завоеванную нашими отцами, так что, несмотря на то, что университетские студенты всегда были бунтарями, борцами и идеалистами, число сознательных антиимпериалистов составляло менее 50. Это было грустное время, когда рассудок всего народа был заторможен и заморочен при помощи средств массовой информации, находившихся во власти буржуазии и помещиков - союзников империализма, служителей империализма, безоговорочных лакеев империи.

И сейчас разве огромное большинство американского общества не вакцинировано самой эффективной в мире вакциной против всего, что пахнет социализмом, когда умы преобразили и превратили в рецепторы идей, которые вбивают в голову таким же образом, как им прививают вкус к прохладительным напиткам или к сигарете, внушая всевозможные абсурдные предрассудки и ложь?

Вот какую экономическую, социальную и политическую систему, систему, грабящую мир, мы обличаем, против какой выступаем, какой отказываем в самом минимальном праве считаться демократической, справедливой и гуманной системой; все это огромная ложь.

Кто способен убеждать людей в этом мире? Вы, коммуникаторы, те, кто передает информацию, и чем с большей эффективностью, изяществом, искусством, открытостью и мужеством, без всяких уступок, она передается, тем больше людей вы завоеуете, тем больше умов освободится от лжи.

Безусловно, нельзя ни пугаться, ни падать духом, эта система не выживет, даже если бы никто из вас не написал ни слова в защиту настоящих и жизненно важных изменений.

Они то и дело, говоря о Кубе, говорят об изменениях. Они пытаются игнорировать тот факт, что самые большие и самые коренные изменения, происшедшие за много времени - это те, благодаря которым Куба смогла не только выжить, но и сопротивляться. Говорят об изменениях, сейчас это модное слово, но что действительно сегодня стоит на первом месте или что, по крайней мере, является срочной необходимостью - это изменить существующий гнусный мировой порядок, и когда он изменится, изменятся все страны мира, даже само американское общество.

Любой, кто немного разбирается в арифметике, не говоря уж в математике, знает, что никто не

спасет это общество от кризиса, худшего, чем тот, который был в 1929 году, он будет намного хуже, поскольку у 50% граждан этой страны сбережения вложены в биржевые акции; в 1929 году – только у 5%.

Мир изменится, ничто не сможет этого предотвратить. Однако наш долг – помочь ему измениться, и чем раньше, тем лучше, не ожидая, пока кризис превратится в биг-бэнг, который все еще выбрасывает звезды в бесконечность. Мы должны надеяться не на биг-бэнг, а на биг-чейндж – я превратился почти что в английского переводчика, и это при моем плохом произношении, – на биг-революшн (Смех и аплодисменты). Говорю так, потому что верю в это и потому, что это неизбежно.

Кто был прав, когда Луис Суарес пригласил меня выступить здесь, когда он побуждал меня выступить? Когда он настаивал и обязывал меня выступить перед вами на закрытии конгресса, притом что я ничего не знал о том, что вы сделали, что обсуждали, приняли декларацию, которую я даже не смог прочесть или как следует здесь услышать, я только хотел сказать: "Это невозможно, здесь говорится о слишком серьезных и слишком важных вещах, чтобы я поднимался на эту трибуну и без подготовки что-то произносил".

Я не выступал, я просто поддался атмосфере, радости от того, что вижу вас здесь, вере в то, что вы можете сделать, и поэтому сказал себе: "Хорошо, я расскажу им немного о нашем съезде журналистов, состоявшемся в начале этого года".

Несколько дней назад мы снова провели съезд, нечто, что называлось расширенным советом. Но, знаете, мы пригласили всех делегатов, которые присутствовали на съезде, и в действительности состоялся второй съезд. С каким удовлетворением там занесли в отчет, что все решения выполнены и даже перевыполнены!

А, органы печати превратились в учебные органы; это нечто невероятное и неслыханное – бригады журналистов, создающие репортажи о наших врачах в других странах. В органах информации уже есть свои программы обучения вычислительной технике и, насколько мне известно, в конце будущего года все наши журналисты вступят в третье тысячелетие, пройдя интенсивный и эффективный курс по этой дисциплине. Все журналисты будут владеть вычислительной техникой, все без исключения (Аплодисменты), имея возможность в будущем связываться между собой и со всем миром через Интернет и при помощи компьютеров, на мировом уровне, а не только на национальном (Аплодисменты). Как было бы хорошо, если бы наши товарищи журналисты когда-нибудь могли связываться посредством компьютера или через Интернет со своими братьями-журналистами из Латинской Америки!

Да, все в недалеком будущем начнут изучать иностранный язык, уже 200 из них занимаются этим; не было достаточно помещений, их искали, приспособили несколько зданий, и скоро мы удвоим число изучающих иностранные языки до 400. Естественно, в основном это будет английский, поскольку нам не остается ничего другого, как конфисковать его, мы нуждаемся в инструменте, и раз они навязали английский язык всему миру, мы сейчас не станем изобретать некий диалект, которые однако нужно уважать и ревностно сохранять, потому что это плоды человеческой культуры; так что говорю об этом не с пренебрежением, но мы не могли бы общаться на диалекте.

Другие языки очень важны, но они слишком трудные, например, китайский. Поэтому во многих из этих стран изучают английский. Владение другим языком и владение английским, и он не будет единственным. Сейчас нам только необходимо точно подсчитать, в какой срок почти 3 000 кубинских журналистов овладеют иностранным языком, имея прекрасные лаборатории, прекрасные программы, которые, к счастью, не очень дорогие.

Почему мы удвоили число наших учащихся? Потому что мы думаем о курсах, где не только будут обучать методике создания журналистских текстов и прочим знаниям, но даже литературным

методам. Все органы печати, радио и телевидение, газеты превратятся в учебные заведения, в которых журналисты будут проходить систематическое обучение. Обучение вычислительной технике будет проходить быстро, потому что для этого достаточно 40-50 заведений; кроме школ, кроме прямых, почти специализированных курсов по вычислительной технике, будут организованы курсы в самих органах печати.

Все эти идеи постепенно развиваются, и по мере того, как будут достигнуты успехи в осуществлении одной из них, мы добавим другие идеи и будем их развивать.

Мы возлагаем много надежд на этот путь, на возможность максимально повысить уровень наших коммуникаторов. Вся необходимая библиография - везде, где она потребуется. Мы не можем послать 2 000 - 3 000 томов каждому журналисту, но можем создать определенные центры, где был бы ряд книг не только по журналистике, но также и по общей культуре.

Не воспринимайте это как шовинизм, как пустое и наивное тщеславие; но я могу заверить вас: мы желаем, чтобы наши журналисты - и хоть бы это смогли все журналисты Латинской Америки и все журналисты мира - со временем превратились в контингент, который можно было бы назвать самым подготовленным в мире. Я не скажу самым лучшим в мире, это совсем иное, чем сказать: в целом и в среднем журналисты, подготовленные лучше всех в мире, чтобы работать ради мира и для мира и повсеместно давать бой.

Хотите, чтобы журналисты были самыми лучшими? Отправьте их туда, где есть о чем сообщать, где находятся врачи, где любая группа людей совершает чрезвычайные дела. А, у нас нет миллионов, которыми располагают транснациональные корпорации; нет, у нас нет финансового капитала, однако у нас уже есть превосходный человеческий капитал.

Врачи, о которых я вам говорил и которые уже работают в числе, намного превышающем 1 000, - а в недалеком времени это будет несколько тысяч - являются выражением этого человеческого капитала, способного отправиться в места, куда, как правило, не поехали бы врачи из промышленно развитых стран.

Тот, у которого хороший дом, три автомобиля, четыре телевизора и всяческие домашние устройства, производимые их промышленностью, и кто даже одевается по последней моде самого модного портного или портнихи Парижа, Нью-Йорка или Калифорнии, вряд ли расстанется с семьей и отправится на неопределенный срок - может быть, на год, полтора или два года - в места, где ядовитые змеи, комары и жара, где требуется невероятная самоотверженность и самоотречение.

Врачи из богатых стран не сделают этого ни за 100 000 долларов, потому что они, получая 50 000 или 60 000 долларов, предпочитают оставаться там, где находятся. Их не воспитали в других концепциях, в других идеалах. Самое большее, что делают некоторые, благородные и филантропичные, - это организуют маленькую группу, чтобы недельку побыть в какой-то стране. Это совсем не плохо, это хорошо - пропагандировать методы, оказать помощь в сложном случае. За эти пределы они, кроме вызывающих восхищение исключений, обычно не выходят, подобные миссии длятся не более недели.

Таким образом, у них бесчисленный финансовый капитал и почти никакого человеческого. Мы делаем свое дело при отсутствии финансового капитала и с использованием огромного - не скажу бесчисленного - человеческого капитала, созданного за эти 40 лет. Я спрашиваю вас, может ли сделать это страна третьего мира, разделенная на тысячу частей, находящаяся в состоянии постоянной и вечной нестабильности, без программы, без ничего подобного.

Именно эти факты питают нашу убежденность, нашу стойкость, нашу надежду; это аргументы, которые мы можем использовать в борьбе, и я не прошу вас защищать нас, а прошу глубоко осознать эти реальности сегодняшнего мира, обличать ужасы системы, от которых мы страдаем

и которые даже могут покончить с родом человеческим.

Эта отвратительная система – я говорил об этом в тот день, беседуя с группой журналистов во время перерыва – не только ведет человечество к физическому истреблению, но и уничтожает его духовно, превращает каждого человека в эгоиста, в слепого соперника ближнего, во врага всех остальных, каждого гражданина целой страны в скупца, эгоиста, лицемера, лгуна.

Могут ли воспитать народ политики, которые только и делают, что чувствуют то, что не говорят, и говорят то, что не чувствуют? Скажем, сам президент Клинтон – при всем уважении к нему – произносит одну речь в Нью-Йорке, другую – во Флориде, третью – в штате Вашингтон; одну, где есть латиноамериканцы, другую – где есть азиаты и третью – где есть граждане африканского происхождения; то есть особую речь для каждого из них; особую речь для каждой страны, которую посещает. Иногда какой-нибудь президент ошибается, как произошло с Рейганом, который выступал перед бразильцами, думая, что находится в Боливии. Вы слышали об этом. Не знаю, была ли это оговорка или культурный инфаркт, ведь на самом деле это страны, которые невозможно спутать.

Но они не виноваты, они не выучили это в школе, зачастую они не имеют прочной политической подготовки. Правильнее сказать, система препятствует этому. Если у них есть только понятие конкуренции и индивидуальной борьбы между всеми людьми, если они верят только в мощь своего оружия и своих богатств, как они могут быть воспитанными в гуманистической концепции завтрашнего мира?

Я разговариваю, спорю с многими политиками различных уровней, не только американскими, среди которых я, кстати, встречал хорошо подготовленных и серьезных людей; однако иногда я прихожу в ужас. Происходит так: три помощника с одной стороны, три с другой, и по любой теме один из них передает одну бумажку, другой – другую. Это трагично. Кроме того, это невоспитанно, потому что если вам приходится ждать, пока они не кончат передавать свои бумажки, и стараться угадать, какая тема вызвала это, какой острый вопрос возбудил условный рефлекс – помочь нашему видному гостю, подбросив нужные данные, прерывается нить разговора, и возникает впечатление, что собеседник невежлив. Не хочу называть страну, потому что в любой стране у нас много друзей; но я видел крупных деятелей из стран, считающих себя одними из самых информированных в мире, или стран, располагающих самыми передовыми средствами информации, граждане которых полностью дезинформированы, ничего не знают о мире, хотя даже имеют дипломы высших учебных заведений. Они не могут читать, не могут учиться.

Часто мы посылаем документы видным деятелям, в надежде, что помощники последних их прочтут; мы также вручаем их помощникам. Почти никогда мы не можем проверить, было ли у них время прочесть важные материалы в соответствии с их политическими интересами; но, что хуже, часто их не читают даже помощники.

Я рассказываю вам о реальных случаях, с которыми мне пришлось столкнуться. Им не хватает времени, чтобы учиться, они не могут читать в водовороте их деятельности, которая часто сводится к тому, чтобы все время, все свободные дни, ходить, от двери к двери, по домам избирателей. Чувство национальных интересов? Очень у немногих! В выступлениях и действиях каждого из представителей некоторых этих стран не ощущаешь ничего иного как защиты интересов определенной этнической, или экономической, или социальной группы, проживающей на территории их избирательного округа.

Мы всегда говорим нашим депутатам, что они должны защищать интересы округа, от которого избраны; но всегда, прежде всего, они должны защищать национальные интересы, чтобы не получалось: «Я занимаюсь этим местом, а остальные меня не интересуют».

Сегодня, накануне саммита, мы говорим, что менее всего заботимся о собственных интересах, и

в ходе обсуждения документов мы заботились об интересах остальных; и не столько об этом, сколько о коллективных интересах нашего региона, Латинской Америки и Карибского бассейна. Правда, что существует глобализация, мы неизбежно идем в этом направлении. Как это будет? Многое будет зависеть от того, насколько ясно мы оценим положение сейчас, и от того, сколько мы будем способны сделать сегодня.

Что мы можем вам предложить? Призывать к тому, чтобы вы не падали духом ни от чего и ни от кого; призывать к тому, чтобы вас не пугала огромная мощь хозяев органов прессы и крупных средств информации, которые сегодня не национальные, очень часто они транснациональные и угрожают целостности, прежде всего угрожают культуре всех стран мира, являясь могучим орудием господства.

Мы постоянно ищем механизмы, способы, чтобы передать наши послания. Действительно, послания направлены десяткам и десяткам тысяч людей. Группы солидарности, храбрые и неутомимые друзья Кубы, действуя подчас в неблагоприятных условиях и без материальных ресурсов, играют чрезвычайную роль в борьбе против дезинформации и лжи. Иногда они продают 20% изданных лекций и выступлений и на то, что собирают, издают еще 1 000 экземпляров, которые распространяют там, куда не доходят другие средства информации.

Каждый день мы ищем новые способы передать письменное сообщение, телевизионное послание при помощи кассет, через Интернет и все возможные средства. Поломав голову над этим вопросом, мы теперь имеем возможность посылать в разные места много сообщений одновременно.

Допустим, газета тиражом 10 000 экземпляров, которая продается на улице, доходит до 10 тысяч семей, купивших ее, а мы иногда передаем 100 000 сообщений, предназначенных тем, кого мы желаем проинформировать. Мы можем передавать миллионы сообщений и представляем, как это сделать. Существуют способы противодействовать гигантской мощи монополии информационных средств и их хозяев; рабов, журналистов, пролетариев прессы ждут впереди бесконечные возможности.

Поскольку я не имел чести участвовать в вашем конгрессе, поскольку я заставил вас сидеть здесь так долго, поскольку я устроил настоящее бедствие накануне саммита - не тем, что я сказал, потому что меня не беспокоит, станут ли мои слова известны, хотя я говорю с вами конфиденциально и в семейном кругу: бедствие я устроил в плане времени, ведь уже перевалило за 12 ночи, - мне пришло в голову в виде компенсации, если вы хотите воспринимать это так, великодушно, организовать конгресс латиноамериканских журналистов (Аплодисменты).

В начале этого года мы собрали сотни экономистов из разных концов мира, говоривших на разных языках - я имею в виду иностранных экономистов, не помню, сколько их было, 500 или 600, плюс большая кубинская делегация; - если мы снова в начале следующего года организуем подобную встречу экономистов; если через несколько месяцев состоится съезд латиноамериканских студентов, на котором будет 5 000 делегатов, почему нам не организовать конгресс латиноамериканских журналистов? Предлагаю вам это.

Конечно, мне бы хотелось, чтобы он состоялся здесь, ведь если он будет в другом месте, вероятнее всего я не смогу в нем участвовать, это будет слишком сложно. Когда я езжу за границу, поверьте, я стою дорожке, потому что с целью дезинформации мне приходится даже брать с собой два самолета, чтобы не знали, на каком я лечу; да, я, когда путешествую, стою намного дорожке, чем если наша страна пригласит 200-300 журналистов-пролетариев с собственными мнениями. Нет, нет, мы не хотим, чтобы приехали только марксисты, нет, речь не об этом, нет ни малейших возражений против того, чтобы участвовали люди различных взглядов и мировоззрений; мы хотим, чтобы приехали честные журналисты с собственными критериями обсуждать эти проблемы, настоящие независимые журналисты! - чтобы рассмотреть пути и

методы борьбы, и в их числе определенное количество кубинских делегатов, несколько десятков; другого выхода у нас нет, если мы не хотим ссориться со слишком большим числом членов Союза журналистов Кубы.

Вопрос количества очень важен. Можно проводить встречи с участием даже нескольких сотен человек. Если собираться в очень большом театре, людей уже не будет видно, но если проводить встречу в помещении, где могут поместиться 300 - 400 человек, опыт доказывает нам, что тогда возможно обсуждать вопросы по-настоящему в семейном кругу. Сколько времени? Ну, столько, сколько понадобится, но в том стиле, в каком мы работали, потому что когда обсуждаешь, думаешь, размышляешь, выделяешь проблемы, трудности, тогда, уверяю вас, можно найти много решений.

Как замечательно было бы провести уже не такой скромный конгресс, какой организовала ЛФЖ, этот конгресс скромнейший, ведь в нем участвуют только 30-40 делегатов. Сколько сюда пришло? (Ему говорят, что 40.) Сорок. Верно, что Ленин организовал партию большевиков - будущую КПСС - на съезде, где было 10-12 делегатов. Я считаю, что если мы соберем здесь 300-400 журналистов с указанными характеристиками, тогда мы сможем назвать эту встречу конгрессом. Не больше, иначе конгресс будет менее плодотворным; не больше, потому что это уже в пределах того, что может дать съезд, как те, которые мы проводили в этом году. Мы провели за семь месяцев два съезда кубинских журналистов.

Позвольте сказать вам, что у наших журналистов высочайший дух, масса задач, и когда казалось, что у нас их слишком много, мы все равно что-то придумывали и предпринимали действия, чтобы увеличить число журналистов, несмотря на то, что у нас выходят ежедневно только две газеты, но учитывая все издания для детей, журналы и теле- и радиоканалы, мы готовимся к выполнению стоящей перед нами большой задачи. Энтузиазм - огромный. Человеку всегда было нужно большое дело. Никогда не будет большого человека, если нет большого дела. Когда есть большое дело, много людей, много людей, почти все могут стать большими писателями, большими журналистами, большими специалистами в области коммуникаций. У наших журналистов есть сегодня это большое дело, оно ясно определено, и они прекрасно понимают его.

Если мы проведем подобную встречу, у ЛФЖ будет намного больше сил, и поверьте мне, владельцы информационных органов не хотят ни профсоюза, ни коллегии, ни организации рабов, так или иначе они хотят держать их в цепях и в кандалах.

Скажем же: пролетарии всех сфер распространения информации в мире, учитесь и соединяйтесь! (Аплодисменты.)

Я сказал учитесь, потому что так поступаем мы, осознав огромную необходимость постоянного повышения квалификации. Наша национальная организация журналистов превращается в университет, в высшее учебное заведение журналистики, в котором время обучения бесконечно. Да, мы считаем, что там учатся бесконечно. Вот так мы видим и понимаем роль журналистов в наступающем веке (Аплодисменты).

(Одна делегатка что-то говорит.)

Меня считают членом ЛФЖ, все согласны? (Возгласы: "Да".) Спасибо.

Прошу вас подумать об этой идее, о конгрессе более или менее такого рода, как тот, что мы пытались обрисовать, на котором будет все необходимое время, работать утром, днем и ночью, чтобы обсудить проблемы не только наших стран, но и решающие проблемы сегодняшнего мира. Раз мы говорим о глобализации, нам надо глобализовать наше привычное мышление, думать не только о своем уголке, маленьком, среднем или большом, а определить свое место на планете, на которой мы должны жить.

Работники культуры тоже провели грандиозный съезд. Он был чрезвычайно плодотворным. Конечно, жанры культуры не столь однородны, как деятельность журналистов. Те обычно более сложные, там достижения нельзя измерять с такой же быстротой.

В нашей стране значительно растет число деятелей культуры, множится их плодотворный труд. Я говорю деятели культуры, исходя из концепции, о которой говорил нашим журналистам: журналисты - это деятели культуры. Многие из лучших романов были написаны журналистами, которые умеют излагать свои мысли, знают жизнь, обладают высокой культурой и богатым воображением. Габриель Гарсия Маркес начал как журналист, журналист агентства "Пrensa Латина", когда оно было создано, и также многие другие журналисты стали отличными писателями. Я бы сказал, что писатель должен владеть техникой журналистики, а журналист должен владеть техникой писателей, романистов.

Может быть, зал Дворца съездов, где мы провели съезд Союза писателей и деятелей искусств Кубы и чуть позже - съезд журналистов, является наилучшим местом для такой встречи, какую я предложил. Так что сейчас это ваша задача, и все будет зависеть от вас.

Я могу уйти с надеждой, что вам нравится это идея?

(Аплодисменты и возгласы: "Да!".)

Тогда я говорю, как, говорят, сказал Юлий Цезарь, - ибо я думаю, что 90% подобных фраз - легенды, апостериори придуманные кем-нибудь, это я знаю по опыту, видя, как каждый человек по-своему воспринимает важные события, которые мы вместе пережили: "Alea jacta est".

Как видите, я знаю английский и знаю латынь (Смех и аплодисменты).

Большое спасибо!

VERSIONES TAQUIGRAFICAS

Source URL: <http://www.comandanteenjefe.net/ru/discursos/vystuplenie-pervogo-sekretarya-centralnogo-komiteta-kommunisticheskoy-partii-kuby-1?height=600&width=600>

Links

[1] <http://www.comandanteenjefe.net/ru/discursos/vystuplenie-pervogo-sekretarya-centralnogo-komiteta-kommunisticheskoy-partii-kuby-1>